

В. В. УШАКОВА

**Смысл как
многозначное
понятие**

Понятие смысла многозначно. Философский смысл понятия — создание относительно

целостной картины мира и удержание этой картины. В этике смысл отличается от «жизненных впечатлений». В философии речь идет об объяснении смысла, поскольку таким образом устанавливается причины происходящего и достигается понимание. Психологический же смысл смысла — сопоставление реального самочувствия человека и должно-го состояния. Человек есть единственное создание на земле, которое может жить в ситуации абсурда.

В психологии XX века было зафиксировано, что любое наше действие неслучайно: оно имеет определенный смысл. Это положение, выдвинутое З. Фрейдом, положило начало поискам, связанным с обнаружением смысла в человеческих действиях. Так, А. Адлер показал, что люди живут в мире смыслов, которые управляют их действием¹. В. Франкл открыл, что мы стремимся в первую очередь к поиску и реализации смысла². А. Н. Леонтьев зафиксировал несовпадение объективного значения и личностного смысла наших действий и их предметов³.

Таким образом, в психологии смысл рассматривается в контексте проблемы смысловой регуляции поведения человека. Главной задачей при этом является исследование сложных, многопараметрических взаимосвязей между мыслью, языком и действительностью, выявление места и многообразия функций языка в процессе человеческого познания и коммуникации. Идея континуальности смысла была в свое время высказана А. Уайтхедом⁴. Анализ смысла языковых выражений объединяет сегодня усилия философов, логиков, лингвистов. Теория смысла рассматривается как теория семантических

свойств и отношений. Проблема смысла, заключающаяся в указании критериев осмысленно-

сти языковых выражений, в выявлении соотношения осмысленного и бессмысленного, осмысленного и истинного или ложного, осмысленного и грамматически правильного рассматривается как гносеологическая проблема.

Значительный вклад в исследование смысла внесли логики: К. Льюис, А. Уайтхед, Г. Фреге, Я. Хинтика, А. Черч, сделавшие акцент на понимании смысла как формы слова или высказывания. Проблема обнаружения смысла является одной из главных в языкознании. При всем разнообразии решения данной проблемы все исследователи исходят из того, что язык и культура связаны самым теснейшим образом: с одной стороны, язык является основой, строительным материалом культуры, а с другой, язык формируется под влиянием императивов культуры, предписывающих ему определенные функциональные рамки. Среди многочисленных исследований, посвященных выделенной проблеме, отметим те, в которых смысл, содержание мысли рассматриваются не как готовое образование, а как процесс понимания, в котором осуществляется смыслообразование. Это работы В. фон Гумбольдта, А. А. Потемни, К. Фосслера, Т. М. Дридзе, А. Р. Лурия.

О возможности артикуляции смысла в языке высказывали противоположные суждения Ж. Делез, К. Г. Юнг (символ выражает такой смысл, который нельзя выразить словами современного языка⁵) и М. Хайдеггер (форма, в которой смысл выступает в действительности, — это значимость, то есть форма процесса суждения⁶). Обнаружение смысла, который порождается и при-

сутствует в человеческих действиях и в целом в человеческой жизни, происходит в процессе разнообразных взаимодействий, одной из форм которого выступает диалог. Сложность и многомерность диалога дает неисчерпаемые возможности для его исследования. В начале XX века этой проблемой занимались М. Бубер, Ф. Гогартен, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси, Г. Коэн, Ф. Эбнер и другие. Центральная идея философии М. Бубера — бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром. Диалог создателен и спасителен, когда он осуществляется при посредстве Бога, его заповедей о нравственности и любви. Диалогический принцип является исходным пунктом концепции Бубера, согласно которому человек обретает собственную сущность, только вбирая в себя всечеловеческое, соотнося себя с другими людьми.

Представление о смысле как о жизненной задаче наиболее разработано в теории личности видного австралийского психолога и психотерапевта Виктора Франкла, постулирующего в качестве ведущей движущей силы поведения стремление человека найти смысл своей жизни. Для того чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в смысл, которым наделены его поступки. «Даже самоубийца верит в смысл — если не жизни, то смерти»⁷, в противном случае он не смог бы шевельнуть и пальцем для того, чтобы реализовать свой замысел.

Поиск человеком смысла является главной движущей силой в его жизни, а не «вторичной рационализацией» инстинктивных побуждений. Смысл уникален и специфичен потому, что он должен и может быть реализован этим человеком и никем другим; только тогда он приобретает значимость, удовлетворяющую его собственное стремление к смыслу. Есть авторы, считающие, что смыслы и ценности суть «не что иное, как защитные механизмы формирования реакций и сублимации». По Виктору Франклу, человек способен жить и даже умереть ради его идеалов и ценностей. Как показал опрос общественного мнения, проводимый во Фран-

ции — 89% опрошенных признали, что человеку нужно «что-то такое», ради чего стоит жить. Более того, 61% согласились, что в их жизни есть что-то или кто-то, ради чего или кого они согласились бы умереть. Те же результаты были получены Виктором Франклом при опросе пациентов и персонала в клинике в Вене. Другими словами, стремление к смыслу для большинства людей есть подлинный факт⁸.

Конечно, могут быть случаи, когда озабоченность ценностями является на самом деле только маскировкой внутренних конфликтов человека; но такие случаи представляют скорее исключение из правила, нежели само правило. В этих случаях психодинамическая интерпретация вполне оправдана. В таких случаях мы действительно имеем дело с псевдоценностями (хорошим примером этого является фанатизм), которые должны быть демаскированы. Демаскировка или развенчивание должны быть сразу прекращены, как только мы сталкиваемся с аутентичным или подлинным в человеке, т.е. с желанием такой жизни, которая максимально наполнена смыслом. Если же демаскировка при этом не прекращается, человек, занимающийся разоблачением, просто выдает свою собственную потребность принижать духовные стремления другого.

Мы должны остерегаться трактовок ценности в терминах простого самовыражения человека. Потому что логос, или «смысл», есть не столько нечто, появляющееся из самого существования, сколько противостоящее ему. Если бы смысл, который должен реализовать человек, был всего лишь выражением его самости, или не более чем проекцией мыслежеланий, он сразу же утратил бы свой мотивирующий характер. Это остается верным в отношении не только так называемой сублимации инстинктивных побуждений, но и того, что К. Г. Юнг называл «архетипами коллективного бессознательного», поскольку последние были бы самовыражением, и именно человеческого рода как целого. Это остается верным также в отношении дискуссий некоторых мыслителей-экзистен-

циалистов, которые видят в идеалах человека нечто иное, как его собственные изобретения. Согласно Ж.-П. Сартру, человек изобретает себя, он конструирует свою «сущность», т.е. то, что он есть, чем должен быть, чем станет. Однако, по Виктору Франклу, смысл нашего существования не изобретается нами, но скорее нам открывается⁹.

Стремление человека к смыслу также может быть фрустрировано, и в таком случае логотерапия говорит об «экзистенциальной фрустрации». Термин «экзистенциальный» мы будем использовать в трех значениях для обозначения: 1) самого существования, т.е. специфически человеческого способа бытия; 2) смысла существования; и 3) стремления к отысканию конкретного смысла в личном существовании, т.е. воли к смыслу.

Экзистенциальная фрустрация также может привести к неврозу. Для этого типа невроза Виктор Франкл употреблял термин «ноогенный невроз»¹⁰ в отличие от невроза в обычном смысле этого слова, т.е. психогенного невроза. Ноогенный невроз происходит не в психологической, но скорее в ноологической сфере (от греческого «ноос», означающего разум, дух, смысл) человеческого существования. Этот термин, обозначает нечто, принадлежащее к «духовному ядру» человеческой личности.

Ноогенные неврозы возникают не из конфликтов между влечениями и сознанием, но точнее, из конфликтов между различными ценностями; другими словами, из моральных конфликтов, или говоря более обобщенно, из духовных проблем. В числе таких проблем экзистенциальная фрустрация часто играет большую роль.

Вполне очевидно, что в случае ноогенных неврозов соответствующей и адекватной терапией оказывается не терапия в обычном смысле, но скорее, логотерапия — терапия, которая затрагивает духовное измерение человеческого существования. Действительно «логос» по-гречески означал не только «смысл», но и «дух». Духовные явления, такие как стремление человека к осмысленному существованию, равно как и фрустрация

этого стремления, трактуются логотерапией в духовных терминах. Они принимаются с искренностью и серьезностью, вместо того, чтобы проследить их до бессознательных корней и источников, т.е. трактовать в терминах инстинктов.

Но не всякий конфликт обязательно невротичен, бывают конфликты нормальные и здоровые. Подобным образом и страдания не всегда патологический феномен; страдание не только может быть симптомом невроза, но даже, напротив, может быть человеческим достижением, особенно если оно возникает из экзистенциальной фрустрации. Экзистенциальная фрустрация сама по себе ни патологична, ни патогенетична. Озабоченность и даже отчаяние человека по поводу ценности своей жизни является духовным страданием, но никоим образом не психическим заболеванием. Интерпретируя первое в терминах последнего, доктор может похоронить экзистенциальное отчаяние пациента под грудой транквилизаторов, в то время как его задачей скорее является провести пациента через экзистенциальный кризис роста и развития.

Логотерапия считает своей задачей помочь пациенту найти смысл его жизни. В той мере, в какой логотерапия добивается, чтобы пациент осознал смысл своего существования, она является аналитическим процессом. В этом аспекте логотерапия напоминает психоанализ. Однако, пытаясь сделать нечто вновь осознаваемым, логотерапия не ограничивается инстинктивными фактами в бессознательном пациента. Она фокусируется на духовных реальностях, таких как потенциальный смысл существования человека, который должен быть реализован, и его воля к смыслу. Любой анализ, однако, даже если он абстрагируется от ноологического или духовного измерения в ходе терапевтического, стремится побудить осознать то, к чему он действительно стремится в глубине души. Логотерапия рассматривает человека как такое существо, главной целью которого является осуществление смысла актуализация ценностей скорее, не-

жели простое удовлетворение влечений и инстинктов.

Разумеется, поиск человеком смысла и ценностей скорее вызовет внутреннее напряжение, чем приведет к внутреннему равновесию. Однако именно это напряжение является необходимым условием психического здоровья. Нет ничего в мире, что столь же эффективно помогало бы выдержать даже самые худшие условия, как осознание смысла нашей жизни. В нацистских концлагерях можно было наблюдать (и это подтверждали американские психиатры в Японии и в Корее), что те узники, которые знали, что у них была задача, которую они должны были выполнить, были более способны выжить¹¹.

Таким образом, можно полагать, что душевное здоровье основывается на определенной степени напряжения, напряжения между тем, что человек уже достиг, и тем, что он еще должен осуществить; или тем, что он есть, и тем, чем он должен стать. Такое напряжение внутренне присуще человеку и, следовательно, необходимо для его душевного благополучия. Мы не должны поэтому колебаться в том, чтобы возбудить в человеке такое напряжение, связанное с его потенциальным смыслом, требующим осуществления. Только таким путем мы осуществим его волю к смыслу из ее латентного состояния.

Человеку требуется стремление и борьба за цель, а не равновесие, как говорится в биологии, «гомеостазис», т. е. безнапряженное состояние. Он нуждается не в разрядке напряжения любой ценой, но в возбуждении потенциального смысла, который он должен реализовать. Человек нуждается в духовной динамике в полярной области напряжения, где одним полюсом является смысл, подлежащий осуществлению, а другим — человек, который должен его осуществить. Если терапевт хочет укрепить душевное здоровье пациента, он не должен бояться увеличить напряжение путем переориентации в отношении смысла его жизни.

Помимо благотворного влияния ориентации на смысл, может возникнуть вредо-

носное чувство, на которое жалуются многие пациенты, а именно чувство полной и окончательной бессмысленности их жизни. У них утрачено осознание смысла, ради которого стоит жить. Их преследует переживание внутренней пустоты, пустоты внутри самих себя; они оказались в ситуации, которую Виктор Франкл назвал «экзистенциальным вакуумом»¹².

Экзистенциальный вакуум является широко распространенным явлением в двадцатом веке. Это вполне понятно и может быть объяснено утратой, которую человек претерпел в ходе его становления подлинно человеческим существом. В начале своей истории человек утратил некоторые из базисных животных инстинктов, которые определяли и обеспечивали поведение животных. Такая обеспеченность, подобно раю, закрылась для человека навсегда; человек должен осуществлять свой выбор. В дополнение к этому, однако, человек претерпел и другую потерю в более недавнем своем развитии: традиции, которые поддерживали его поведение, сейчас быстро ослабевают. Никакой инстинкт не говорит ему, что делать, и никакая традиция не подсказывает, что он должен делать; скоро он уже не будет знать, что он хочет делать. Все больше и больше он руководствуется тем, чего добиваются от него другие, все больше и больше оказываясь жертвой конформизма.

Экзистенциальный вакуум проявляется, прежде всего, в состоянии скуки. А.Шопенгауэр полагал, что человечество, видимо, осуждено вечно колебаться между двумя крайностями — лишениями и скукой¹³. Фактически скука в наше время создает для психиатров больше проблем, чем лишения.

Немало случаев суицида можно было бы объяснить подобным экзистенциальным вакуумом. Такие распространенные явления, как алкоголизм и юношеская преступность, нельзя понять, если не учитывать лежащий в их основе экзистенциальный вакуум. Это также справедливо и в отношении психологических кризисов пенсионеров и пожилых людей.

Более того, существуют разного рода маскировки и мимикрии, в которых проявляется экзистенциальный вакуум. Иногда фрустрированная потребность смысла компенсируется стремлением к власти. В других случаях место фрустрированной потребности смысла занимает стремление к удовольствию. Вот почему экзистенциальная фрустрация часто вливается в сексуальную компенсацию. Мы можем наблюдать в таких случаях, что сексуальное либидо становится чрезмерно активизированным и агрессивным, заполняя экзистенциальный вакуум.

Аналогичное явление наблюдается в случаях невроза. Существуют определенные типы механизмов обратной связи и образования порочного круга. Можно наблюдать вновь и вновь, что эта симптопатология вторгается в экзистенциальный вакуум и продолжает в нем расцветать. У таких пациентов мы имеем дело с ноогенным неврозом.

В психологии смысл связывается с целью и с индивидуальным мотивом, а потому определяется как индивидуальный (личный) смысл, специфицирующий устойчивое общественное значение слова. Однако смысл необязательно выражается явно: образование смысла совершается вне и помимо готовых семантических структур, более того, смысла как бы ускользают от оформленности в языке. Следует сказать, что психология саморегуляции, экзистенциальная и феноменологическая психология опирается на понятие смысла как на одно из центральных, но понимают его по-разному. Смысл находят в мире и в психике, в сознании и деятельности, ему приписывают свойство устойчивости и, напротив, текучести, Д. А. Леонтьев показал, что не существует отдельного объекта под названием «смысл», который было бы точно определить, а есть некоторая смысловая реальность, которая проявляет себя в разных формах, в разных структурах, на разных уровнях психики и регуляции деятельности¹⁴.

Конкретные смысловые феномены — смыслы, мотивы, установки и т. д., есть частные случаи проявления единой смысловой

системы связей, пронизывающей все отношения индивида с миром. К. Г. Юнг вводит понятие «смысловое совпадение», отражающее поле понимания, лежащее вне пределов причинности, а также вне времени и пространства. Но это поле понимания связано «общностью смысла». Юнг высказывает предположение, что «смысловые совпадения», которые сами по себе являются случайными происшествиями, «основаны на некоем принципе или на каком-то свойстве эмпирического мира»¹⁵. Однако он не ответил на вопрос, к решению которого так близко подошел. Это было сделано благодаря феноменологической интерпретации смысла, которая позволила понять его не просто как высший интегральный регулятор человеческой жизни, задающей ей направленность, а как принцип регуляции поведения человека его жизненным миром как целым, отсутствующий на более низких ступенях эволюции.

А. Лэнгле вводит различие экзистенциального смысла и онтологического смысла. Экзистенциальный смысл выступает по отношению к субъекту не как требование, а как нечетко различимый след, указывающий направление активности для личности. Онтологический же смысл, напротив, отличается упорядоченностью, определенностью, императивностью, тотальностью; его редуцированным вариантом выступает цель. У В. Франкла проблема смысла трансформируется в проблему смысла жизни и тем самым конкретизируется.

Культурологический подход берет свое начало в неокантианской трактовке языка как фундаментальной и смыслополагающей «символической системе культуры» (Э. Кассирер). В отличие от логическо-грамматического анализа, культурологический подход направлен прежде всего на такие знаковые системы, как обряд, ритуал, обычаи, способы хозяйствования, системы воспитания, семейные отношения и т. д., то есть такие комплексы знаковых систем, которые придают согласованность человеческим действиям. Но и здесь смысл — это то, что не проговаривается вербально, а интуитивно угадыва-

ется, подразумевается. Смысл — это принцип бытийного опосредования: любые изменения смысла связаны с реальным изменением отношений человека с миром. В понимающей социологии — А. Шюц, Н. Луманн, Е. Клакхон показали, что происходит смыкание в понимании смысла у представителей разных наук, однако это сближение происходит в области двух противоположных полюсов:

Сегодня наиболее динамично развивающимися подходами к проблеме смысла являются подходы, трактующие смысл как единицу межличностного взаимодействия и понимания. Эти подходы, вобравшие в себя все наиболее ценное из остальных подходов, по всей видимости, определяют «зону ближайшего развития» проблемы смысла в современной психологии.

¹ См.: Адлер А.. Практика и теория индивидуальной психологии, М., 1995.

² См.: Франкл В. Человек в поисках смысла, М., 1990.

³ См.: Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 1979. №2. С. 3–13.

⁴ См.: Whitehead A. Symbolism, its Meaning and Effect. N.Y., 1927.

⁵ Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1993. С. 291.

⁶ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. М, 1993.

⁷ Frankl V. The doctor and the soul, N.-Y. P. 236.

⁸ Frankl V. Psychotherapy and existentialism, N.Y., 1967. P. 187.

⁹ Ibid. P. 188.

¹⁰ Ibid. P. 189.

¹¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 130.

¹² Там же. С. 24.

¹³ Шопенгауэр А. Собр.соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 4. С. 308.

¹⁴ Леонтьев Д. А. Психология смысла. М., 1998.

¹⁵ Юнг К. Г. О синхронистичности // Юнг К. Г. Синхронистичность. М., 1997. С. 192.